

Николай Семёнович Лесков

Сим воспрещается...

Николай Лесков
Сим воспрещается...

«Public Domain»

1869

Лесков Н. С.

Сим воспрещается... / Н. С. Лесков — «Public Domain»,
1869

«...законодательство в России так разошлось с жизнью и ее требованиями, что, по его словам, у нас давно исчезла всякая возможность жить, не совершая ежеминутно постоянных преступлений. Благодаря непроглядной сети спутанных, перепутанных, одно другое уничтожающих и одно другому противоречащих запрещений, человеку, желающему не нарушать закона, у нас пришлось бы преодолевать такие неудобства жизни, с какими не знает ни один дикарь, заблудившийся в непроходимых лесах Гвианы...»

Николай Семенович Лесков

«Сим воспрещается...»

«Сим воспрещается», «сим строго воспрещается», «сим наистрожайше воспрещается»!

Кому из вас, почтенные читатели, не доводилось встречаться с этой нашей, так сказать, *национальной* фразой и вывеской? Где она не писалась, где она не стояла, где не сверкала и не била в глаза русскому человеку для того, чтобы порой досаждал ему, а чаще воздымать в его голове самые странные недоразумения: зачем и к чему все эти запреты; какой в некоторых из них смысл; какая в них польза; затем, если во всех этих запретах есть смысл и польза, то почему же девяносто девять запрещений из ста никем не соблюдаются, и зачем, когда несоблюдение их видимо подрывает авторитет запретителей, зачем этого не искоренят и не запретят, а все только запрещения растут и растут и множатся; зачем это, наконец, никого не смутит и не заставит задуматься?

Впрочем, сказав, что это «никого не смущает», мы припоминаем, что сделали маленький промах, и должны оговориться. Покойный профессор гражданского законовещения в Московском университете Федор Лукич Морошкин, автор известного сочинения «О постепенном образовании законодательства» (умерший в 1857 году), не раз обращал внимание своих слушателей на то, что законодательство в России так разошлось с жизнью и ее требованиями, что, по его словам, у нас давно исчезла всякая возможность жить, не совершая ежеминутно постоянных преступлений. Благодаря непроглядной сети спутанных, перепутанных, одно другое уничтожающих и одно другому противоречащих запрещений, человеку, желающему не нарушать закона, у нас пришлось бы преодолевать такие неудобства жизни, с какими не знает ни один дикарь, заблудившийся в непроходимых лесах Гвианы. «Законовед, – резюмировал он, – неминуемо должен бы прийти от этой путаницы в непереносимое отчаяние, если бы его не подкрепляла одна священная надежда на явление со временем *закона о запрещении запрещений!*»

Даровитый ученый, выразивший эту райскую надежду, уже двенадцать лет как переселился в селения праведных, а надежда его все еще остается надеждою, и курьезная сторона многих русских неисполнимых в необъяснимых запрещений все еще продолжает то смешить, то сердить людей, ведающих о сих запрещениях и неуклонно их нарушающих.

Все это сводится иногда к анекдоту, часто к комедии и нередко к драме.

Начнем по очереди с анекдота.

Пишучи эту заметку, мы крайне сожалеем, что не обладаем завидной памятью некоторых счастливых, способных пересказать ряды событий с такой точностью, как будто бы они вписаны у них в памяти, как на таблицу; но каждый из читателей сам, всеконечно, найдет у себя большой запас воспоминаний, могущих с избытком пополнить наши слишком краткие и слишком беглые заметки.

Не знаем, с чего начать; но как особого систематического порядка в этих воспоминаниях и не требуется, то начнем хотя со «старинного зла», т. е. *со взяток*.

Взятка воспрещалась. В законе за мздоимство и лихоимство назначались кары, но их почти никто не боялся, и взятки брали все или почти все, а кто их не брал, тех звали простофилями и даже дураками. Это – одна сторона: ею грешили лихоимцы; но у медали есть и другая сторона, которой грешили лихоидатели. Взятки давать воспрещалось, но без взяток ничего не делалось да и не могло делаться.

Лет несколько тому назад одно из очень и очень высокопоставленных лиц сделало одну огромнейшую покупку, на которую в надлежащем присутственном месте совершена была купчая крепость, и надсмотрщик крепостного стола (как назывались тогда эти чиновники)

отправился с готовым документом и книгой на дом к очень и очень высокопоставленной особе. Особа взяла купчую, расписалась и отдала книгу чиновнику. Тот молча поклонился, отошел и стал у двери.

Особа обернулась: видит – чиновник стоит.

– Благодарю, братец, благодарю, – сказала особа.

Чиновник вежливо склонился и опять стоит.

– Благодарю же, благодарю, – повторяет ему особа.

Чиновник – опять поклон молча и опять ни с места.

Особа имела слабость думать, что она одарена высшим ведением и особенно жизнь русскую в русского человека пронизает до дна.

– Ага! – воскликнула особа, – я тебя понимаю! – И с этим высокопоставленное лицо обернулось к столу, выдвинуло ящик, пошарило там рукой и крикнуло чиновнику: – Подай мне книгу!

Тот подал. Высокопоставленное лицо положило в книгу сторублевый билет, отдало книгу, не оборачиваясь, назад чиновнику, и, улыбаясь, наслаждалось уже заранее эффектом, как она, эта особа, станет рассказывать нынче в собрании всех высокопоставленных лиц, как *с него, с самого его*, чиновник гражданской палаты сто рублей взятки взял... Но среда этих ликований высокопоставленное лицо вдруг оглянулось, а чиновник опять стоит у двери.

Особу это даже передернуло: в самом деле отошла эта приказная крыса по коврам тихо и стоит, словно мечты высокие подслушивает.

– Чего же ты еще стоишь? – крикнула особа.

А тот опять поклон.

– Да ведь я же тебе положил в книжку.

– Точно так, – тихо, но не робея начал чиновник.

– Так что же тебе еще?

– Здесь всего сто рублей.

– Ну!

– А купчая крепость на миллион шестьсот тысяч.

– Ну!

– Мне не поверят мои товарищи, что ваше вашество мне всего сто рублей изволили пожаловать.

– Сколько же бы ты желал получить?

– Обыкновенный человек мне дал бы, по крайней мере, три тысячи, а ваше вашество пожалуете мне пять.

Особа сорвалась с петель. Эта неслыханная наглость ее поразила.

– Мерзавец! – закричала особа. – Где ты взял столько дерзости, чтобы говорить мне такие вещи?

– Дерзость моя, ваше вашество, основана на моем положении, – продолжал спокойно чиновник. – Я служу, плачу деньги за чины, не получаю никакого жалованья и содержу целую канцелярию.

Высокопоставленное лицо сделало круглые глаза от изумления.

– Действительно, действительно так, – продолжал, пользуясь этой минутой, чиновник, – я бедный человек, служу без жалованья, плачу за чины и содержу канцелярию, а потому, что я получаю, то идет для пользы службы.

Особа дала чиновнику пять тысяч и потом долго носилась с открытием, что у нас есть чиновники, которые, так сказать, на законном основании берут взятки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.